

НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ.

Роман Леонарда Михайловича Золотарева «Два пророка в одном Отечестве» (изд. «Внешние воды», 1995г.) – третий роман в полотне о судьбе Егора Тиганова. И что сразу же приходит в голову, так это банальное, а именно: нет пророка в своем Отечестве. А затем закрадывается мыслишка: если автор расщедрился на целых два пророка, то это кому-то для чего-то надо? Кто же такие эти пророки? В обычном смысле, ясновидящие; как волхвы-прорицатели, они что-то предвидят, предсказывают. А что же в романе? Кто может претендовать на такую роль?

Даже при самом внимательном, вторичном прочтении текста лиц подобно-го рода не находится. Однако угадывается замысел автора считать как бы «пророками» не лиц, а абстракции – формы собственности, которые и предсказывают, определяют, прорицают. Это – государственная собственность и кооперативная форма собственности. Государственную собственность с ее прежней, командной системой, почившей в бозе, олицетворяют в романе, прежде всего, старик – Глава Белого Дома в области, председатель райисполкома Распопов и иже с ними. А в некотором роде противостоящую ей собственность кооперативную – даже не главный герой Егор, а скорее отец его – бывший механизатор, заготовитель райпотребсоюза Трофим Тиганов.

И, что интересно, между этими двумя формами собственности существуют еще два «подвида» ее – кооперативно-колхозная (председатель Бодраков) и личная, частная собственность (вес жители сел, деревень). Такова расстановка экономических сил. И, следовательно, ответ на вопрос: каковы взаимоотношения, результаты деятельности, перспективы, - все зависит от форм этой самой собственности, от отношения к ней персонажей.

Вопрос о «пророках» поднимается как раз накануне известных событий, связанных с ликвидацией прежней, т.н. «волютаристской», системы и становлением новой. Первый «пророк» – государственная система в лице Старика и Распопова вмешивается, командует всюду, и все равно Система дает сбой, работает неэффективно, права человека не защищены. Ее активность настолько порочна, что приводит к печальному для нее же результату – ликвидации колхозно-кооперативной системы, которая и без того, будучи по сути государственно-кооперативной, дышала на ладан. В конце концов, у председателя Бодракова заби-

рают печать, а дни хозяйства сочтены.

Зато на частной собственности сельчан, их личных хозяйствах, подпирющих кооперативную систему в лице заготовителя Трофима Тиганова, это сказывается слабо. Личная собственность привыкла к потрясениям, выработала на этот счет иммунитет. Люди настолько приучены к тому, что государственное – это «наше» и «ничье», что привыкли надеяться лишь на себя. Еще в первом романе «Кормильцы» из-за отсутствия дороги (не проехала «скорая») погибает мать Егора Тиганова – доярка, прекрасная русская женщина. И во втором романе «Берегиня» ее муж, отец Егора – Трофим Тиганов, принимается личными средствами, с помощью односельчан, строить этот самый «аппендикс» – кусочек дороги к поселку.

Так вот, к вопросу о двух «пророках» и их пороках в Отечестве – двух формах собственности. Одна – государственная с ее кажущейся мощностью приходит в упадок, обречена своей неэффективностью. Вторая, – на которую не тратятся никаких средств, нет на нее никакого государственного внимания, – стоит на своих на двоих. Так «глаголят» в романе «пророки», так они «прорицают»...

Ну а насчет приходящего сразу на ум «нет пророка в своем Отечестве» так это действительно факт. Кто же автора-то по головке погладит за такие «пророчества» при той-то Системе? Да и после ее развала, когда «осколки» в виде Располовых рассеяны по офисам и конторам? Нет, конечно пророка в своем Отечестве. Это – Россия нашего времени! И этим сказано все и надолго...

Итак, третий роман писателя в недрах борьбы вышеуказанных форм продолжает свое существование, изображая перипетии борьбы за жизнь главного героя Егора Тиганова. Сначала Егор устраивается на работу к отцу в кооператив, а после сокращения штатов становится первым «советским» безработным. Его не принимают даже в кооператив. Для Бодракова он лишний человек, кооперативу тоже не нужен. И вот на «лосиной» охоте Егор чувствует, что идет охота на него именно как на человека.

Он, оказывается, не в той среде, он – не «свой», его компаньоны видят в нем «чужака». Сытая, благополучная жизнь зависит у них от государства. Вторжение в их пределы современного «Дон Кихота» подрывает основы. Чтобы, достоверно изобразить все это, автору нужно было познать скрытые механизмы, мотивацию героев, их взаимозависимость. Тонко, психологически оправдано, изнутри раскрываются все эти общественные слои, социальные группы, бдительно стоя-

щие на страже собственных интересов.

Идет охота на «синего лося». Ясно, что такого «лося» в природе не существует. Перед Егором мелькает человек, одетый в синюю рубашку. Автор использует ассоциацию, фантастику для психологической мотивации действий героя, его внутреннего содержания. Образ «синего лося», не существующего в природе, делает свое дело. Психика персонажа расшатывается. Он ощущает себя в мире зыбко, неустойчиво, что и необходимо Системе. Фантастический образ «лося», введенный в роман намеком, переплетается с психикой, ассоциируется с реалиями, позволяет косвенно провести параллели. И «синий лось» становится символом, фактором духовного кризиса персонажа. С Егором происходит потрясение, но одновременно и прозрение. Он предчувствует события, видит вокруг себя намерения. Обостренное, резко ощущает мир. В конце концов, происходит катарсис – самоочищение. И, испытав это, герой становится внутренне свободным. Тем самым он не только не перестает быть Личностью, но и, наоборот, укрепляет себя. Ибо он может уже принимать решения, какие ему подсказывает совесть. Перед персонажем возникает выбор: что нужно сделать, чтобы самому не стать «синим лосем»? Подобного рода герои, как мы знаем, чутки, сочувливы, предрасположены к самоусовершенствованию. Так и Егор Тиганов. Ему плохо в пределах Системы, где процветают рвачи, приспособленцы, бюрократы. Ему не дают быть самим собой, превращая его как человека в придаток огромной бездушной машины. Вот она-то – эта Система – в лице своих представителей (Распопова, Ворона, Панкова) и вмешивается в дела кооператива, изгоняет председателя, избранного людьми, влезает даже в семью. Чего стоит сцена с перевыборами Бодракова! Сцена емкая, символичная, резко обозначающая черту между «верхами» и «низами». Сцена наполнена юмором, иронией, яркими деталями. И таких сцен в романе немало.

Натуральная, настоящая жизнь и жизнь, преображенная писателем, сливаются в единый художественный сплав. Реалистичны, порой гиперболизированы речевые характеристики Распопова, Ворона. Совсем по-иному реалистичны образы людей из народа. Естественны Стешка, Нюра Чернова, Природин. Они знают, что такое зло, добро, понимают натуру, естество человека. Как, например, открыт и правдив Природин в диалоге со своим другом Трофимом Тигановым.

Так и Егор испытывает личный, семейный кризис из-за общественных катаклизмов. Поскольку герой гуманен, искренен, он не в силах приспособиться к

обществу, основанному на лицемерии, лжи, даже насилии. Егор чувствует, что он прав, но ему от этого не легче. Это внешний фактор, влияние среды. С другой стороны, в самом Егоре заключен и глубоко внутренний фактор. А именно, влияние, так сказать, «дурной» наследственности. Автор усложняет психику героя наследственными чертами. Отец Егора пил, дома случились скандалы. Из-за пьянства отца младший брат Егора Кузька родился с недостатками, из-за чего и попал в специнтернат. Потому-то, может быть, и еще более обостренно реагирует Егор на воздействие среды.

И еще один немаловажный компонент многозначности кризисного самосознания героя – это его незавершенность. Невозможно завершить раскрытие изнутри персонажа, сама жизнь бесконечна в ее становлении. Егор изображен в развитии через душевные потрясения, а не через духовную эволюцию. Общественные катаклизмы, дурная наследственность, неожиданный момент выбора, наслаиваясь и многократно усиливаясь, определяют и внутренние катаклизмы Егора Тиганова. Не потому ли и дела у Егора не всегда получаются. У него неустойчива психика, часто действует он на уровне интуиции, принимает решения в последнюю минуту. В очередной кризис, когда душа его уносится в иные миры с мириадами звезд, его спасает это земное, живое, привычное с детства его, как и детства всего человечества, – корова. Вот эта сцена.

«И тут длинный теплый шершавый язык проехал по нему от плеча до затылка. Струна балалаечная закачалась у него на лице.

- Мы-у-у-у, - раздался баский такой, сыровато-проваленный звук, и в лицо ему дыхнуло живым, травянисто-молочным, человеческим теплом.

Егор приоткрыл глаз: корова».

Сцена выделительна по своей изобразительной точности, космичности, по связи человека как частицы Вселенной со всей этой мирозданческой системой, где мы в далеком прошлом были «кравенцы» – «коровенцы», у пращуров наших славянских корова была священной (а у индусов и до сих пор), а Млечный Путь – именно путем, по которому шло и идет поныне все человечество. И это все, войдя с молоком матери – природы в плоть и кровь нашу, спасает Егора, и он возрождается к жизни.

И тут возле Егора Стешка всегда – любовь его и подруга. Это горячий, активный, очень земной человек. Она может быть и хорошей дояркой, и заведую-

щим комплексом. Станет, возможно, артисткой, для этого у нее есть хорошие данные. В своей деятельной активности она – созидатель. Хотя жар ее «цыганских кровей» (а цыгане, как известно, – выходцы из Индии), и бросает Стешку из огня да в полымя, порой ставя ее семью на самую грань. И все-таки все живет в ней не взрывом, не ломкой всего, а внутренней эволюцией, стихией чувств, требующей гармонии. Остро переживает она потерю дочки Полинки, ради нее готова на все. Стешка оттеняет Егора Тиганова, заставляет действовать его, что-то предпринимать, идя на крайние меры.

Егор Тиганов в романе не столько явление действительности, образ его, на мой взгляд, отражает особую точку зрения автора на мир, на самого себя в этом мире. Герою свойственны поистине гамлетовские раздумья о своей судьбе, о проклятых вопросах бытия. Благодаря чему он инстинктивно чувствует, что высшая правда за ним, а правда жизни, как ртуть, ускользает, куда-то летит.

А что же его оппоненты – вдохновители Системы (Старик, Распопов, Ворон, Панков и другие)? Хотя сами они бездумные, бездушные «шарики» и «винтики» Системы, эти «столпы» бесцеремонно вмешиваются в дела, поворачивают судьбы людские, как руслу рек. Так, Распопов дважды провоцирует неправомочные выборы, считая кооперативную собственность частью государственной собственности, управляемой им машины. Эти люди настолько уверены в своей «правоте», что забирают ключи, а затем и печать у Бодракова, назначают нужную им кандидатуру, приказывают выскрести из общественного хранилища семенное зерно и т.д. Беда в том, что Распопов и Панков искренне уверены, что они действительно столпы, лишь от них зависит эффективность жизни. Сами же они попирают права человека, даже культуру в виде желания Стешки петь в цыганском ансамбле, а все в той же уверенности, что они «столпы» города и деревни. И результат налицо, мы все ощущаем его на собственной шкуре.

Наконец, сельчане вступаются сами за себя. На выборах ярищенцы идут на конфликт с этими т.н. «государственниками», желая выбрать нужного им председателя. И дорогу к поселку они делают сами, не надеясь на тех же «отцов» народа. Егора Тиганова государство выучило на агронома, а вот работы ему не дают те же «столпы» – не тот человек, не той системы, не ихней – старой, уходящей, а новой, надвигающейся и потому страшноватой из-за своей неизвестности, пусть уж лучше такие, как Егор, посадят в тюрьме за какой-либо пустячок или чужую вину. А

потом его можно еще и припугнуть охотой на какого-нибудь «синего лося». Правы оказываются люди из народа – Стешка, Нюра Чернова, Природин; дело их, саму жизнь не переломить. Правота же Распопова, Панкова, Бодракова, не подтвержденная делом, повисает в воздухе, превращаясь в «антиправоту».

Вслед за Стариком еще один представитель Системы – рангом пониже – это Распопов. Мастер на витиеватые фразы, он готов уничтожить кого угодно, кто не вписывается в его круг. И думает он одно, говорит другое, а делает третье. Все ему ясно с людьми, все у него сплочено, сплетено, взято в руки. Он бесцеремонен со всеми; «подняв» село, способен вмешиваться всюду даже в семью. Это умело выписанный тип чинуши, самовлюбленного, сладострастного, представляющего, что он – это центр, вокруг которого, как вокруг солнца, крутится все остальное.

Панков – персонаж, дополняющий портрет Распопова, проливающий свет на него с несколько иной стороны. И все эти «антигерои» так или иначе стремятся копировать своего благодетеля, стоящим над ними, делающим их то маленькими, то большими, то снова маленькими. Панков – исполнитель распоповской воли, так сказать, верная собака его. Он хитер и изворотлив, знает, за что его кормят и держат. Издалека заезжает он, готовя выборы председателя. Однако и тут за любезной маской скрывается коварный исполнитель чужой воли, без принципов и без сердца. Таков и Ворон и иже с ними, олицетворяющие уходящую Систему.

А на другом полюсе даже не главный герой романа Егор, а скорее отец его – Тиганов Трофим. Сначала механизатор, пьющий, как и все (Система научила пить, выдавая пятирублевые премии за истекший день прямо в борозде), он становится по сути противовесом не только Бодракову, но и всем «столпам», перейдя в другую – кооперативную систему. Эта система ближе ему как крестьянину, он может применить тут свою природную смекалку, жизненный опыт. Порой он не прочь примерить на себе из-за мелкого тщеславия другие одежды, например, роль председателя Бодракова. Но тут же Трофим сдерживает себя, отказывается от такой идеи. Тут, где сейчас, он на своем месте, тут больше свободы, развороту, а потому интереснее. В конце концов, Трофим – совестливый человек. Однако его образ – это образ практика. Его не интересуют проклятые вопросы бытия. Он любит свое дело, умеет его выполнять, он – профессионал в своем деле, видя его изнутри, а не верхогляд, как иные рядом – «временщики» (например Бодраков). Он верит себе, более реален в выборе, справляется с делом лучше, ибо меньше зави-

сит от Системы.

Символом загнивания ее в романе служит бурт сгнивший в поле картошки. Гнить-то картошка гнила, всегда сгнивала, да на сей раз председатель Бодраков посадил за нее молодого агронома Егора Тиганова. Однако те ли люди должны были отвечать за ту самую «гниль»? Трофим борется с Бодраковым своими средствами. Он тверже стоит на ногах, чувствует себя хозяином, совладельцем кооперативной собственности, от которой хоть какой-то прок людям. А вот Бодракову, как и Распопову, в конце концов, не результат нужен, не сам естественный, деятельный человек, а возможность усидеть, удержаться на месте. – вот что главное. Пропала у Стешки дочка – никто не ищет ее. Что только ни делает Стешка ради Полинки. Она вынуждена идти в город, подбираться поближе к начальству, к Бодракову, даже стать заведующей комплексом, только бы обратили внимание, помогли найти, наконец, Полинку. Даже к цыганам попадает за тем же Стешка. Но атмосфера бездушна, бессердечна... Сложен, разнообразен роман по своей композиции. В нем и драматизированные сцены, и яркие индивидуализированные диалоги (Егора с Петром, Петра со Стешкой). Линии сходятся, расходятся, вновь образуют узлы. Запоминается эпизод выборов, где народные интересы сталкиваются с интересами властьпредержащих. Перед читателем, действительно, широкое, эпическое полотно. Чиновный аппарат и народная среда изображаются в их сложных, зримых, а порой едва уловимых, предчувствуемых перипетиях. Или же другие персонажи выписаны реально, детально, они полнокровны, всесторонне раскрываются в действиях, диалогах. Та или иная черта характера персонажа подается через яркую деталь, запоминается индивидуальным штрихом.

Роману присуща некая детективность в сюжете. Уже с самого начала – с похищения сейфика с месячной зарплатой. Автор не упускает сейфик из виду и далее, используя похищение для создания интригующей, прямо-таки детективной атмосферы письма. Интрига-то детективная, а характеры, сцены выписаны рукой реалиста. Есть в романе и философские раздумья, они питают произведение, придают ему глубину. Немало также ярких лирических мест. Есть и ирония, и юмор, многое из того, что должно быть на настоящем, широкоформатном полотне, чтобы избежать монотонности, придать тексту разнообразие, социально-философский смысл, оживить образы, вызвать читательский интерес.

Вот хотя бы такой пример авторской иронии.

«И дед Бобырь, он же по-уличному Колчак, колченогий, - одна нога и в пару ей ноль, пять десятых другой, тут же выпер с вопросом:

- А как же это знамена?

- Какие знамена?

- Какими у Бодракова был набит кабинет?

Зайдешь, бывало, некуда сесть.

- Так теперь свободно, дедок, - улыбнулся Распопов и мелко-меленько отпил из стакана. - Приходи и сиди - это можно. Видишь, никаких знамен. Все - в прошлом.

- И куда ж вы их подевали? - наострил бороденку Колчак.

- Что подевали?

- Знамена. Кому это вы шелк знамен наших определили?

- Да знамена-то переходящие, - объяснили из президиума. - Вот они, дедок, и перешли».

А вот пример лирики - неудержимой музыки слова.

«Пела немолодая цыганка. И мониста побренькивали у нее на груди и подрагивали, загорались очи живым, неугасимым блеском от биения сердца, как загорались они и у тех, что может быть, тысячу лет тому вот так же сидели у теплого моря, у песчаного берега, алмазных пещер.

«Какая красивая! - любовалась ею крупноглазая Стешка, взгляда просто не могла от нее оторвать. - Она моя мать».

«Она нам не верит, что мы дали ей жизнь, она тоже цыганка. Не верит мне, не верит себе. Плохо человеку, который не верит».

- *На груди моей развяжет*

Узел, стянутый тобой...

И старая Панка, как стоймя стоящая прокопченная матица, коричневая, в прожилках вся, комель грушевый, древняя как икона. И кем рисовано, чьей кисти, жива и жить будет, пока гитара в этих ее безумных руках.

«Она должна знать, где Полинка моя, - замерла Стешка. - Обязана сказать, если она мне мать по крови, моя настоящая мать».

Композиция романа достаточно четкая. Все подвижно, в развитии, здесь на мой взгляд, две кульминации. Первая - это охота на «синего лося», когда ассоциации многозначны, напоминают о личности, о правах человека. И вторая кульми-

нация вытекает из всего хода действия: лишение Бодракова представительских прав, сцена передачи печати и то неожиданное, что свершается как, казалось бы, невозможное: на глазах у всех, изумленных этим, председатель съедает печать. Это – крах прежней кооперативной системы собственности, после такого она вряд ли воскреснет. Действительно, к чему мы и пришли, правда, несколько позже. Развязкой судьбы Егора Тиганова является перерождение его после попытки отойти в иные миры, «к звездам», когда инстинктивно Егор как бы возвращается в этот мир, обретая надежду...

Многолики образы в романе. Персонажи испытываются жизнью, живописуются в их взаимоотношениях друг с другом, со средой. В изображении мира и человека у писателя имеется целый комплекс всевозможных приемов. Тут и внутренние монологи (Егор о Распопове, Бодраков и Тиганове, о сейфе), самооценка внешних поступков, взаимохарактеристики (Старик, Распопов, Ворон, Егор, Стешка). Все части подчинены теме, идее, из чего и возникает полифоничность, многоплановая стройность романа.

Своеобразен стиль автора, который вряд ли спутаешь с чьим-то другим. Разнообразный ритм вбирает в себя сказ, народные речения, он метафоричен и в то же время чист, лапидарен, прозрачен.

«В начале сентября, когда начинается массовая копка картофеля, какая самая людная точка в округе? Скажите, Ярище? Село все же, центральная усадьба. Глубоко ошибаетесь. Это – Тигановка, куда съезжаются машины со всей области, да что области – России! Из Москвы, из Донбасса, из Запорожья». А чего стоит сцена игры в «шахматишки» Бодракова и Броньки Летягина – председателя и механика, его нештатного «осведомителя», когда за внешним раскрывается тайный, глубоко внутренний смысл, понятный лишь им обоим – своеобразный «птичий» язык.

Слово у автора выступает не только как выразитель смысла, но еще и как носитель эмоциональных ассоциаций. Оно растворено в музыкальном движении, в ритмах, что сближает прозу с символистской поэзией, когда слово бессильно выразить мистическую сущность мира, передавая ее лишь в музыкальных звучаниях, ибо душевный человеческий мир богаче логического смысла слова. По многим страницам романа щедро рассыпанные блески юмора, иронии подрывают серьезность чинуш, самой авторитарной Системы. Например, пословицы и поговорки

(«орел не берет мух», «гори оно синим огнем» и др.)

Лирика в романе по эмоциональному настрою, безусловно, близка музыкальной, ритмизованной прозе. В таком случае смысл слова совпадает с эмоциональным воздействием всей фразы, абзаца. Слово, однако, меняется, разрушая монотонность текста, когда мы читаем речевые народные характеристики. В них существуют одновременно юмор, ирония; сцена, ситуация запоминается лучше от удачной шутки, яркого словца (диалог Усынина с Бодраковым). Стиль автора умело сочетает философские мысли с осторожностью, сказовую манеру с музыкальностью фразы, когда предметное слово направлено на «чужую» устную речь. Сказ как бы стилизует эту «чужую» речь, ориентируясь на нее.

Острое, ярко окрашенное слово создает целые пласты народной речевой культуры, где вырабатывается новый тип взаимоотношений человека с человеком, противопоставляемый, на первый взгляд, могущественным иерархическим отношением. В этих пластах слово освобождается от всякой условности, выходит из-под власти иерархического воздействия. В той или иной среде оно лишается возраста, имущества, социального состояния. Ибо «богатые», как говорится, тоже смеются и «плачут». Слово народа, народных героев – это слово раскованное, слово свободных людей. Вместе с тем и мудрое слово, за которым – прожитая жизнь (Природин, Бронька Летягин, дед Колчак и др.).

Слово в романе варьируется в зависимости от изменения нагрузки. Оно наполняется новым содержанием, функцией (юмор, лирика, философия). В диалогах герои выявляют жизненные позиции, свои точки зрения на мир и на себя в этом мире (Егор в разговоре с отцом о Бодракове, в разговоре с Лихопековым под Новый год, диалоги Бодракова с Распоповым, Панковым).

Стиль романа лирико-драматичен, эпичен, в нем и народная жизнь, и человек наедине с самим собой. Разнообразные элементы, стилистические приемы, сплетаясь, образуют единый художественный сплав.

Третий роман писателя Золотарева продолжает исследование жизни конца нашего века, на переломе эпох, с различных сторон, на многостороннем социальном уровне, и в этом смысле он энциклопедичен. «Столпы» отживающей командной системы вынуждают естественного человека лавировать, приспособливаться, лицемерить, иными словами, строить свою защиту. Система эта, заслоняя такого человека от ветрил жизни, действует и на других по принципу: «чужого человека,

- по выражению Бодракова, - как сорняк какой, с поля вон».

Самое ценное, что есть в человеке, - это любовь. Смотрите, как борется Егор за свою Стешку. Сам Бодраков не волен помешать им. И на него самого по поводу и без повода уже летят свыше грома и молнии. Вот и мечется Бодраков между двумя формами собственности: государственной и кооперативной, между общественной кассой и личным карманом, между собой и Системой, как осел между двумя охапками сена. Терпят крах его иллюзии, и он уже не хозяин не только на земле в Ярище, судеб ярищенцев, но и своей собственной судьбы.

Монополизм одной формы собственности изнашивает Систему, разрушает ее. И Система не оставляет никаких шансов. И тогда происходит то, что и произошло: Бодраков съедает свою печать, с которой связано столько всего, проведено столько «кустовых совещаний».

«Виталий Витальевич приблизился к Бодракову и протянул за печатью руку. И тут произошло очевидное, но и невероятное. Бодраков притянул печать к глазам, глянул сквозь нее зачем-то на свет. И стал отдирать резинку. Наконец, отодрал ее, покрутил перед глазами и затолкал себе в рот. Мелко-мелко, быстро-быстро стал жевать ее...

- Я сам заказывал, - пояснил Бодраков, - сам и съел.

И плюнул изобильной, длинной такой фиолетово-чернильной струей, считай, на полкабинета - до самого сейфа».

Однако роман преисполнен оптимизма уже тем, что все сущее на земле - часть огромного целого-космического мироздания, Вселенной. И Егор Тиганов после встречи со смертью осознает, что сам он хоть и маленькая, но очень важная, необходимая, духотворная точка, важная частица на этом живом, нетленном лице Вселенной. Не откажу себе в желании привести заключительные слова из романа «Два пророка в одном Отечестве» писателя Леонарда Михайловича Золотарева.

«Опираясь на выломанный сук, Егор брел в предрассветье невесть куда, на взгорок, где уже занималась заря. И корова покорно шла следом, загребая широкими, разлатыми, разработанными копытами на дороге нетолстую пока, позднеапрельскую пыль... И уже под самой Тигановкой Егор понял вдруг, так его осенило. Глядишь и гляди, а выбрав, уже не оглядывайся, ибо стоит лишь пожалеть, оглянуться, как все внутри тебя самого перевернется, как в зеркале. И мертвое неожиданно станет живым, нижнее - верхним, а левое - правым... И тут Егор почувст-

вовал за спиной кого-то, что-то живое. Егор воздрогнул, даже кожа затряслась на затылке, и скорее этим затылком, чем в колодцах коровьих, глаз в глаз, прямо перед собой, он, Егор, увидел там свою Стешку».